

Села *Садовки* въ честь Казанскія иконы Божіей Матери; построена въ 1768 г.

Села *Чардыма* въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы; построена въ 1765 г.

Села *Чунака* въ честь Казанскія иконы Божіей Матери; построена и освящена въ 1767—1772 г.

Села Рождественскаго, *Идолга* тожь, въ честь Рождества Христова, съ придѣломъ святителя и чудотворца Николая; построена, вмѣсто сгорѣвшей, въ 1779 г. а освящена въ 1782 г.

Села *Ермоловки* въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы; построена въ 1745 г.

Села *Киселевки* во имя преп. Сергія Радонежскаго чудотворца; построена въ 1790 г.

Села *Даниловки* во имя великомученика Дмитрія Солунскаго; построена въ 1799 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Миссіонерство и расколъ—въ прежнее время и теперь.

Какъ поступилъ я на должность миссіонера, тому протекло уже 20 лѣтъ. Состоя миссіонеромъ все время въ одной Саратовской епархіи, мнѣ многое пришлось видѣть въ расколѣ и практически познакомиться со многими какъ во внутренней, такъ и во внѣшней жизни раскола Саратовскаго края. Много вижу я перемѣны въ раскольникахъ и относительно способа веденія ими бесѣдъ съ православными миссіонерами, о чемъ, главнымъ образомъ, я и намѣренъ сказать нѣсколько словъ.

Исторія раскола для тѣхъ, кто интересуется расколомъ, конечно, извѣстна. Вначалѣ расколъ распространялся не только благодаря сочувствію къ своимъ мнѣніямъ вообще, но также благодаря и раздѣленію своему на отдѣльные согласія и толки: каждое согласіе и каждый толкъ за-

ботились въ свою очередь о своемъ, такъ сказать, расширеніи и распространеніи и массами пріобрѣтали новыхъ приверженцевъ. Соединившись же по наружному, по крайней мѣрѣ, виду, — въ своихъ отношеніяхъ изъ православной церкви, — въ одно, всё они дѣйствовали на православныхъ самымъ подавляющимъ образомъ. Между тѣмъ православные мало обращали вниманія на расколъ, жили себѣ спокойно и беззаботно; знали они, конечно, что въ средѣ ихъ есть раскольники, что вѣрованія послѣднихъ разнятся чѣмъ то, но чѣмъ именно разнятся, православные мало имѣли понятія о томъ. Только 19-й вѣкъ заставилъ нѣкоторыхъ вникнуть серьезнѣе въ темную жизнь раскола и далъ нѣкоторыхъ борцовъ за православіе, но не многихъ, въ сравненіи съ расколомъ, и то благодаря нѣкоторымъ вліательнымъ лицамъ, обратившимся изъ раскола въ православіе, — каковы архимандритъ Павелъ, издатель журнала „Истина“ Константинъ Голубевъ, Кирил. Онуфріевъ и др.

Духовная литература наша только съ недавняго времени обратила надлежащее вниманіе на расколъ, но, по недостатку матеріаловъ, и до сихъ поръ еще, можно сказать, блуждаетъ во мракѣ. Дѣло въ томъ, что матеріалы эти не легко доставать; разныя сочиненія составляются пропагандистами раскола подъ большимъ секретомъ отъ православныхъ, предназначаются исключительно для извѣстной, отчужденной отъ насъ, среды; переходятъ изъ рукъ въ руки, отъ однихъ лицъ къ другимъ, которыхъ и имена для насъ не могутъ быть извѣстны. Мало-ли распространяютъ своихъ сочиненій извѣстный австріецъ Швецовъ и, мало извѣстный, безпоповецъ Батовъ? Руки раскольниковъ переполнены ихъ сочиненіями, изрыгающими всевозможныя хулы на св. церковь. Но православный миссіонеръ лишень возможности пользоваться ими, онъ можетъ достать ихъ съ великимъ трудомъ и то развѣ какимъ либо совершенно случайнымъ образомъ. Но вѣдь воинъ долженъ быть знакомъ

не только съ своимъ оружіемъ, которымъ онъ намѣревает-ся побѣдить врага, но долженъ изучить и узнать силу оружія и врага своего: оружіе врага иногда больше помогаетъ въ борьбѣ, чѣмъ оружіе собственное, и наноситъ ему смертельный ударъ, такъ какъ изобличаетъ его его же литературнымъ произведеніемъ. Но гдѣ же его взять? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. „Миссіонерское обозрѣніе“ сообщаетъ, что соборъ австрійскихъ лжеархіереевъ постановилъ имѣть книгоношъ и посылать ихъ во всѣ концы Россіи для распространенія гектографированныхъ раскольническихкихъ сочиненій среди своихъ же послѣдователей,—соборъ видитъ въ этомъ сильное средство къ удержанію своей паствы отъ перехода въ православіе. Это—и правда: раскольника, начитавшагося книжекъ своихъ кривотолковъ и не видѣвшаго на нихъ опроверженія, трудно бываетъ не только убѣдить въ истинѣ православія, но даже и поговорить съ нимъ что либо о разныхъ недоумѣнныхъ вопросахъ: книжка, прочитанная имъ, заставила его безусловно вѣрить, что онъ правъ. По этому раскольническія сочиненія, если ихъ и не опровергать печатно, все таки они должны быть у каждаго миссіонера подъ руками и объ этомъ должны бы позаботиться тѣ, отъ кого это зависить.

Нынѣ время не то, что было 20 лѣтъ назадъ: нынѣ все перемѣнилось, все переобразовалось, и расколъ принялъ совершенно другой видъ: у раскольниковъ появились наглые и дерзкіе начетчики, развѣзжающіе во всѣ концы Россіи; появились и распространяются во множествѣ письменныя произведенія, развращающія истину и защищающія ложь,—по этому стоящимъ на духовной стражѣ должно вести борьбу неусыпную и не только устнымъ словомъ, но и письменнымъ. Миссіонерскія противораскольническія собесѣдованія въ настоящее время приняли совершенно другой характеръ противъ прежняго времени. Въ первое время моего служенія

миссіонерской должности старообрядцы всѣхъ сектъ считали своею обязанностью самимъ являться на бесѣды, если приглашаетъ ихъ миссіонеръ, не считая нужнымъ приглашать себѣ какого либо защитника въ родѣ начетчиковъ— Шарова, Худошина и т. п.; они, какъ умѣли, вели бесѣды сами, избравъ изъ среды себя человѣка, который считался въ ихъ обществѣ болѣе свѣдущимъ и начитаннымъ. Такъ стояло дѣло въ продолженіе почти третьей части двадцатилѣтней моей миссіонерской дѣятельности. А потомъ въ нѣкоторыхъ селахъ, примѣрно изъ 10-ти въ одномъ, старообрядческіе начетки не стали посѣщать миссіонерскія собесѣдованія, отзываясь своею малограмотностію. Въ настоящее же время въ рѣдеомъ селѣ,—можетъ быть, изъ 10-ти селъ въ двухъ,—миссіонеръ встрѣтитъ себѣ возражателя, а то вездѣ одно твердятъ: „мы не начетки, съ миссіонеромъ бесѣдовать не можемъ; вотъ когда вызовемъ начетчика, тогда и пріѣзжайте, побесѣдуйте, а мы послушаемъ“. По этому приходится часто миссіонеру вести бесѣды только для православныхъ и утверждать ихъ въ православіи, объясняя имъ гибельность раскола.

Самый способъ веденія бесѣдъ въ настоящее время такъ же принялъ совершенно другой характеръ противъ прежняго. Прежде бывало пріѣдешь въ село, соберешь раскольниковъ и начнешь объяснять имъ о св. церкви и св. таинствахъ, а когда нужно, переходишь и на обрядовые предметы, дабы только вызвать собесѣдника изъ среды собравшихся старообрядцевъ. „Ну, дѣдушка Ермолай, а ты, Иванычъ,—что же—выходите, бесѣдуйте!“ начинаютъ сами старообрядцы вызывать своихъ главарей. Иванычъ выходитъ и начинается бесѣда. Правда, бесѣды иногда были шумныя, по невѣжеству раскольниковъ, но была все-таки возможность самому же миссіонеру легко этотъ шумъ прекратить, стоило только миссіонеру усовѣстить ихъ въ неаппropriатности, и они съ сознаниемъ извиняются бывало и

прекращаютъ шумъ, и бесѣда опять идетъ своимъ чередомъ. Въ настоящее же время не такъ: теперь не каждый изъ старообрядцевъ вступаетъ въ бесѣду и въ защиту своего упованія, считая это дѣломъ специалистовъ, а обыкновенно приглашаютъ какого либо начетчика и, пригласивъ, чуть не обоготворяютъ его: они готовы для него все сдѣлать по одному его мановенію; они готовы, что называется, на рукахъ его носить. Начетчикъ же, несмотря на то, что ему предоставлено только лишь право равной свободы слова съ миссіонеромъ, до такой степени превышаетъ свои права, что православнымъ приходится иногда только удивляться и съ сокрушеніемъ сердца переносить разныя злохуленія и дерзости. Въмѣсто того, чтобы совмѣстно съ миссіонеромъ разсматривать и обсуждать намѣченный для бесѣды вопросъ, старообрядческій начетчикъ пользуется бесѣдой какъ средствомъ пропагандировать свои заблужденія и всячески поносить и хулить православную церковь и духовенство, въ особенности же миссіонера, какъ личнаго своего духовнаго врага. Злоупотребляя свободою слова на публичныхъ бесѣдахъ, натетчики позволяютъ себѣ такіа хульные выходки противъ православія, что даже страшно и помыслить; здѣсь раскольникъ изливаетъ всю злобу противъ православія, выказываетъ самыя наглыя дерзости и злохуленія, которыя въ печальномъ словѣ даже и повторять невозможно, — и этимъ онъ утѣшаетъ своихъ сообщниковъ. Необузданность эту онъ не только не ставитъ себѣ въ вину, а считаетъ позволительною, какъ бы допущенною и даже утвержденною св. Синодомъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ начетчики ссылаются на правила для миссіонеровъ отъ 25 мая 1888 года, гдѣ въ пр. 13 дается совѣтъ миссіонерамъ переносить отъ раскольниковъ все и не смущаться раскольническими дерзостями. Смѣлый и необузданный начетчикъ является среди своихъ, а частію и среди православныхъ, какимъ то безконтрольнымъ лицомъ, какъ бы

имѣющимъ не ограниченную власть, и показываетъ себя великимъ авторитетомъ; даже открыто заявляютъ, что они якобы имѣютъ доступъ и къ Государю, и къ Оберъ-Прокурору Св. Синода, и къ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Такъ отважился выразиться на публичныхъ собесѣдованіяхъ со мною нѣсколько разъ начетчикъ Худошинъ. Само собою разумѣется, что въ настоящее время только такіе наглые начетчики для старообрядцевъ и нужны, такъ какъ добросовѣстные начетчики не могутъ не сознавать, что основанія ихъ разобраны, неправыя мудрованія ихъ разоблачены, и что отстоять свои мнѣнія въ бесѣдахъ съ миссіонерами имъ невозможно, и потому они уклоняются отъ бесѣдъ, вотъ ихъ и замѣняютъ наглецы и злохулители.

Въ первое время моей миссіонерской дѣятельности и въ отношеніи порядка бесѣды велись старообрядцами добросовѣстнѣе. Прежде бывало старообрядцы употребляютъ всѣ мѣры и всѣ свои силы къ тому, чтобы отстоять свое мнѣніе на намѣченномъ предметѣ и когда выбьются изъ силъ, бывало, сознаются въ своей несостоятельности и просятъ миссіонера перейти на другой предметъ въ надеждѣ поправить свое неловкое положеніе; когда же и здѣсь увидятъ свое безсиліе, тогда или сознаются въ неправотѣ своей, или стараются оправдать свое безсиліе малограмотностію. Но и то и другое приносило пользу для православія. Въ настоящее время бываетъ уже не такъ: бойкій, беззащитный начетчикъ является обыкновенно на бесѣду съ эффектомъ, въ хорошей суконной поддевкѣ съ сбориками и въ хорошихъ дорогихъ очкахъ, съ самоувѣреннымъ достоинствомъ знатока и съ продѣлкою разныхъ гримасъ; дождавшись очереди говорить, онъ старается показать себя ораторомъ и съ перваго же слова незамѣтнымъ образомъ, довольно искусно, старается уклониться отъ намѣченнаго предмета и запутать собесѣдника не относящимися къ дѣлу вопросами и текстами изъ св. писанія и твореній св.

отецъ, а больше всего новѣйшей литературою нашихъ православныхъ писателей, во многомъ разногласящихся между собою. Старопечатными же книгами до — Никоновскихъ временъ раскольническіе адвокаты — начетчики мало пользуются, они для нихъ отжили свой вѣкъ. Многихъ трудовъ стоитъ миссіонеру удержать начетчика на поставленномъ вопросѣ, особенно когда идетъ разсужденіе о составѣ созданной Господомъ церкви или о св. таинствахъ; при разсужденіи относительно этихъ вопросовъ, начетчикъ пускаетъ въ ходъ самыя изысканныя хуленія, ругательства и укорины на св. церковь и ея св. таинства. Остановить его никакъ нельзя: онъ предъявляетъ свои права на свободу слова, а иначе — прекращаетъ бесѣду и считаетъ себя побѣдителемъ; такъ понимаетъ и публика. Въ виду этого приходится миссіонеру выслушивать разныя хуленія и порицанія, а потомъ разбирать ихъ и опять направлять собосѣдника на вопросъ о церкви и таинствахъ и доказывать вѣчность ихъ. Мѣры противъ дерзостей со стороны начетчика принимаются обычно миссіонеромъ чисто христіанскія, — это проповѣданіе мира и любви къ врагамъ; административныхъ мѣръ никакихъ не допускается. Для соблюденія тишины и порядка приглашаются иногда и сельскія власти, но власти эти бывають большею частію изъ среды же раскольниковъ, а потому и ожидать отъ нихъ какой-либо помощи никакъ нельзя. Какъ слышно, у нихъ даже бывають стачки: когда волостной старшина или сельскій староста скажетъ „тише!“ то старообрядцы должны понимать это, какъ сигналъ къ шуму и безпорядкамъ, и они, дѣйствительно, начинаютъ боляше волноваться и шумѣть. Это слово: „тише!“ часто бываеть произносимо со стороны сельскихъ властей изъ раскольниковъ безъ всякаго къ тому повода и нужды, а именно: когда православный миссіонеръ начинаетъ поражать раскольническаго начетчика, и когда соблюдается тишина въ народѣ, вдругъ власть скажетъ: „тише!“ — и на-

чинается волненіе. Такъ дѣлается съ тою цѣлью, чтобы отвлечь вниманіе слушателей отъ объясненій миссіонера и вмѣстѣ избавить своего начетчика хоть на время отъ совершеннаго пораженія. И въ настоящее время поэтому избѣгаю приглашать на собесѣдованія сельскихъ властей—раскольниковъ, а стараюсь самъ урезонить раскольниковъ смиреніемъ и проповѣдію мира и любви къ ближнимъ, а наипаче къ врагамъ, и это всегда приводитъ къ самымъ лучшимъ результатамъ. Другое дѣло, гдѣ есть сельскія власти изъ православныхъ: одно только присутствіе ихъ на бесѣдѣ отнимаетъ всякія дерзости у раскольниковъ и дѣлаетъ ихъ болѣе вѣжливыми и кроткими.

Нѣкоторые изъ старообрядческихъ начетчиковъ прибѣгаютъ къ такимъ навѣтамъ и укоризнамъ, которые не имѣютъ даже никакого отношенія къ предметамъ вѣры, обсуждаемымъ на собесѣдованіяхъ. „Увась церковію управляетъ не духовенство, а самъ Государь и Оберъ-Прокуроръ“,—говорятъ раскольническіе начетчики—Худошинъ, Швецовъ и Усовъ. Это, конечно, легко опровергается тѣмъ, что Государь Императоръ управляетъ не церковію, а государствомъ, а потому съ вѣдома Его, какъ главы государства, и поставляются на высшее церковное правленіе лица вполне благонадежныя какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, а Оберъ-Прокуроръ, какъ ближайшее лицо, помогаетъ въ этомъ Государю Императору. Старообрядцы послѣ такого объясненія ничего не возражаютъ.

Правда, трудно вести бесѣды съ такими дерзкими начетчиками, проявляющими самый жестокой фанатизмъ и пускающими въ ходъ хуленія и дерзости всякаго рода, но все таки бесѣды эти полезны въ томъ отношеніи, что всѣ эти хуленія и дерзости, хотя и съ великимъ нравственнымъ и физическимъ трудомъ, все же обращаются въ укоризну самому же начетчику и сильно роняютъ его авторитетъ. При томъ начетчикъ, оставляя всѣ доводы и свидѣтельства, при-

водимые миссіонеромъ, не опроверженными, старается только отклонить или ослабить ихъ не относящимися къ дѣлу свидѣтельствами и своими дерзостями, тогда какъ миссіонеръ не оставляетъ ни одного свидѣтельства, приведеннаго начетчикомъ, безъ опроверженія, а потому въ концѣ бесѣды начетчикъ всегда остается побѣжденнымъ и обезоруженнымъ, что на слушателей производитъ впечатлѣніе весьма благопріятное. Одну такую бесѣду я, для характеристики, описываю почти слово въ слово и готовлю для печати въ „Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Допуская смѣлыя дерзости и крайнія хуленія на бесѣдахъ, раскольничьи начетки и духовныя ихъ власти допускаютъ и въ исправленіи требъ большія своеволія и законнарушенія въ средѣ даже и православныхъ прихожанъ. Одинъ приходскій священникъ, о. Кол—ковъ, не очень давно разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Приходитъ ко мнѣ одинъ мой православный прихожанинъ и заявляетъ, что онъ желаетъ сына своего женить на православной же дѣвицѣ моего прихода; я тотчасъ приказалъ псаломщику навести справки о лѣтахъ жениха и невѣсты; оказалось, что невѣстѣ не достааетъ узаконеннаго времени для вступленія въ бракъ около года. Я, отказавшись вѣнчать, посоветовалъ прихожанину обратиться за разрѣшеніемъ къ Его Преосвященству. Прихожанинъ, озлобившись, ушелъ. И что же: въ это время пріѣхалъ въ мой приходъ изъ Саратова австрійскій противоокружническій попъ Д—ій; прихожанинъ, узнавъ объ его пріѣздѣ, обратился къ нему съ просьбою о повѣнчаніи, и тотъ, ничтоже сумняся, повѣнчалъ, конечно, за весьма солидную сумму. Такихъ случаевъ въ моемъ приходѣ, въ короткое время, было три. Противъ этого своеволія я возбудилъ дѣло; чѣмъ оно кончится, пока не извѣстно“. Такъ закончилъ свой разсказъ о. Кол—ковъ. Изъ сего видно, что дерзость, своеволіе и прямое нарушеніе законовъ со стороны раскольническихъ начетчиковъ и духовныхъ рас-

кольниковскихъ властей достигаютъ высшей степени не только на собесѣдованіяхъ, но и въ другихъ случаяхъ.

Окончивъ рѣчь о дѣйствіяхъ раскольниковъ въ духовно-нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ, считаю не бесполезнымъ сообщить нѣчто и о гражданскихъ судебныхъ дѣлахъ, какъ они производятся судьями изъ раскольниковъ. Власти изъ раскольниковъ угнетаютъ православныхъ (особенно обратившихся изъ раскола въ православіе) самымъ подавляющимъ образомъ. Я разкажу о двухъ процессахъ, производившихся судьями изъ раскольниковъ, и объ одной злой продѣлкѣ раскольниковъ, чему я самъ былъ очевидцемъ. Въ одномъ изъ раскольниковскихъ сель Саратовской епархіи въ 1895 году 1 мая два родныхъ брата присоединены были мною изъ раскола безпоповской секты къ православію. Въ это время одинъ изъ братьевъ, младшій, состоялъ въ обществѣ сборщикомъ податей, а второй, старшій, просто былъ рядовымъ крестьяниномъ. Присоединеніе этихъ братьевъ такъ возбудило противъ нихъ раскольниковъ, что они рѣшили чѣмъ нибудь да отомстить имъ. Сборщика податей, по продѣлкамъ учетчиковъ и другихъ нѣкоторыхъ раскольниковъ, довели до того, что Судебная Палата, не зная продѣлки раскольниковъ, осудила его на одинъ годъ въ арестантскія роты.

А судебные процессы были слѣдующіе: одинъ изъ сосѣдей присоединившагося, старшаго брата, въ 1896 году подалъ заявленіе въ С. волостное правленіе о томъ, что присоединившійся будто бы занимаетъ своимъ дворовымъ и усадебнымъ мѣстомъ когда-то бывшій проѣздой переулокъ, который-де и въ настоящее время для проѣзда крестьянамъ обязательно нуженъ. Разбирая это дѣло и зная, что здѣсь никогда переулка не было, предсѣдатель волостного суда-раскольникъ съ таковымъ же членомъ суда постановили: „отломать дворъ и очистить мѣсто подъ переулокъ, а обществу предложить, чтобы (присоединившемуся) отвели мѣ-

сто подь дворъ въ самомъ концѣ села“. Обиженный раскольничьимъ судомъ не зналъ, что ему дѣлать; съ мѣстомъ, унаслѣдованнымъ отъ отцовъ и дѣдовъ, разстаться ему было трудно и онъ много пролилъ слезъ. Но, славу Богу, нашлись люди и научили его, что ему сдѣлать: волостной судъ сосѣдняго села Апа—хи, состоявшій изъ православныхъ, по предписанію уѣзднаго начальства, пересмотрѣлъ это дѣло и возстановилъ права владѣнія обиженнаго. Это — первое.

Второе: одинъ православный, уклонившись въ расколъ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ этомъ же селѣ съ одной женщиной—раскольницей въ незаконной связи, а потомъ, образумившись, перешелъ опять обратно въ православіе и вступилъ въ законный бракъ съ православною, оставивъ прежнюю свою сожительницу. Она подала на него заявленіе въ С. волостное правленіе и просила взыскать съ него 108 руб. за домъ, въ которомъ теперь живетъ бывшій ея сожитель съ новобрачною своею женою—православною, утверждая, что домъ этотъ принадлежитъ ей. 13 іюня 1899 года разбиралось это дѣло на волостномъ судѣ и раскольникъ—предсѣдатель съ таковымъ же членомъ постановили: „взыскать съ обвиняемаго въ пользу просительницы 108 рублей, а недовольная сторона можетъ обжаловать“.....

Вотъ каковы дѣйствія раскольниковъ въ отношеніи къ православнымъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ, и православные, благодаря Бога, переносятъ все это терпѣливо, въ ожиданіи, когда будетъ положенъ предѣлъ своеволю, дерзостямъ и прямымъ закононарушеніямъ, чинимымъ старообрядцами.

Епархіальный миссіонеръ, священникъ

Павелъ Шалкинскій.